

Брайан Герберт · Кевин Андерсон

Брайан Герберт · Кевин Андерсон

ДЮНА

ДОМ ХАРКОННЕНОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г37

Серия «Хроники Дюны»

Brian Herbert
Kevin J. Anderson

DUNE: HOUSE HARKONNEN

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Художник *Д. Андреев*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Брайан.

Г37 Дюна: Дом Харконненов [фантастический роман] /
Брайан Герберт, Кевин Андерсон ; [пер. с англ. А. Ан-
ваера] — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 704 с. —
(Хроники Дюны).

ISBN 978-5-17-105504-2

Вторая книга цикла о событиях, предшествовавших основному действию «Дюны» Фрэнка Герберта. Уже восемнадцать лет прошло с того дня, как Шаддам IV взошел на престол. Его власть велика, но, увы, безгранична, и один из главных его противников — Владимир Харконнен, который тайно готовится к войне и создает нелегальные запасы пряности. Однако силы Харконнена подтачивает загадочный недуг, перед которым оказались бессильны даже самые лучшие врачи...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105504-2

© Herbert Limited Partnership, 2000
© Перевод. А. Анваер, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Быть первооткрывателем опасно, но такова жизнь. Человек, не желающий рисковать, обречен. Он никогда ничему не научится и никогда не будет расти. Он не будет жить.

Планетолог Пардот Кинес.
«Букварь Арракиса», написанный для его сына Лиета

Когда с юга, завывая, начинали наступать песчаные бури, Пардот Кинес, вместо того чтобы искать надежное убежище, предпочитал заниматься метеорологическими наблюдениями. Его сын Лиет — мальчику было всего двенадцать лет, но отец воспитал его в суровых традициях фрименского племени — тем временем со знанием дела рассматривал древнее противопогодное убежище, которое они с Пардотом нашли на полуразрушенной испытательной ботанической станции. Лиет явно сомневался в работоспособности старых механизмов...

Мальчик обернулся и бросил взгляд на море дюн, в сторону приближавшейся бури.

— Ветер демона в открытой пустыне. *Хуласкали Вада*, — сказал он и инстинктивно проверил клапаны защитного костюма.

— Буря Кориолиса, — поправил сына Кинес, используя научный термин вместо народного фрименского, который употребил Лиет. — Ветер, дующий на открытой плоской местности, усиливается вследствие вращения планеты вокруг оси. Поток может при этом достигать скорости семьсот километров в час.

Слушая отца, мальчик продолжал деловито запечатывать отверстия в яйцевидном кожухе убежища, проверяя состояние воздушных вентилях, тяжелого входного люка и сохранность системы аварийного жизнеобеспечения. При этом мальчик не обращал внимания на сигнальный генератор и маяк тревоги; статическое электричество, возникавшее в завихрениях песчаной бури, буквально разрывало в клочья любую электромагнитную волну.

На планете с мягким климатом Лиет в свои двенадцать лет считался бы ребенком, но здесь, в суровых условиях фрименской жизни, его опыту и умению выжить мог бы позавидовать и человек, вдвое старше его. Мальчик был подготовлен к встрече с опасностями лучше, чем его отец.

Кинес-старший задумчиво почесал свою песочного цвета бороду.

— Такой добрый шторм, как этот, может захватить своим фронтом несколько градусов широты, — сказал он, включив питание тусклых экранов древнего монитора. — Буря поднимает частицы песка на высоту до двух тысяч метров, поэтому пыль падает с неба на протяжении многих дней после окончания шторма.

Лиет в последний раз коснулся люка, убедившись в его надежности и способности противостоять буре.

— Фримены называют это явление «эль сайял» — песчаный дождь, — сказал он.

— Когда ты станешь планетологом, тебе придется пользоваться более точными техническими терминами, — профессорским тоном изрек Пардот Кинес. — Я до сих пор посылаю императору свои отчеты, хотя и не столь часто, как следовало бы. Сомневаюсь, что он вообще их читает.

Пардот побарабанил пальцами по панели монитора.

— Кажется, атмосферный фронт уже накрыл нас.

Лиет поднял ставень иллюминатора и увидел надвигающуюся черно-белую стену, переливающуюся огнями статического электричества.

— Планетолог должен пользоваться не только научно-техническими терминами, но и собственными глазами, — наставительно произнес он. — Посмотри в окно, папа.

Кинес улыбнулся сыну.

— Пора поднимать капсулу. — Приведя в действие долго бездействовавший механизм, он с облегчением услышал ровный гул двигателей. Подвеска сработала. Преодолев силу притяжения, защитная капсула оторвалась от земли.

Пасть шторма раскрылась, и Лиет закрыл ставень, надеясь, что старый метеорологический аппарат выдержит удар. Мальчик в какой-то степени доверял интуиции отца, но не очень уповал на его практичность.

Яйцеобразная капсула мягко поднялась вверх, слегка вздрогнув от первого порыва ветра.

— Ну вот, — сказал Кинес, — теперь начинается наша работа...

Договорить он не успел. Шторм ударил по убежищу, словно исполинская дубина, вознеся угловое суденышко в поднебесный мальстрем.

Пардот Кинес и его сын наткнулись на остатки покинутой много тысяч лет назад испытательной ботанической станции несколько дней назад, во время своих блужданий по дальней части пустыни. Обычно фримены растаскивали такие наблюдательные посты, унося в свои поселения самые ценные предметы, однако эту станцию, спрятанную в углублении скалы, фрименские разведчики обнаружить не смогли, и Кинесы нашли ее остатки в полной сохранности.

Они с трудом открыли покрытый коркой песка люк и заглянули внутрь, словно два демона, готовые спуститься в ад. Отцу и сыну пришлось довольно долго топтаться на жаре в ожидании, пока сменится смертельно опасный застоялый воздух капсулы. Пардот в нетерпении мерил шагами рыхлый песок, время от времени, задерживая дыхание, просовывал голову в отверстие люка, глядясь в темноту. Ему не терпелось начать осмотр.

Такие ботанические станции строились во времена расцвета старой империи. Кинес знал, что тогда эта пустынная планета не представляла собой ничего особенного; на ней не было обнаружено никаких полезных ископаемых, природа оказалась суровой, и планету посчитали непригодной к колонизации. Переселенцы Дзенсунни прибыли сюда много поколений назад после веков, проведенных в рабстве, надеясь основать здесь новый, свободный для себя мир.

Однако все это было задолго до открытия меланжевой пряности, драгоценного вещества, которого нет больше нигде во вселенной. После открытия пряности все круто изменилось.

Кинес давно перестал даже мысленно называть эту планету Арракисом, именем, внесенным в императорский реестр, а пользовался фрименским названием: *Дюна*. Хотя Пардот и стал фрименом, он продолжал оставаться слугой падишах-императоров. На эту планету Кинеса послал Эльруд IX с заданием раскрыть тайну пряности, понять, откуда она берется, как образуется и как можно ее обнаружить. Кинес тринадцать лет прожил среди местного населения, женился на фрименке и воспитал сына, которо-

му тоже предстояло пойти по его стопам и стать следующим планетологом Дюны.

Пардот Кинес не переставал восторгаться этой планетой. Он буквально дрожал, предвкушая возможность новых открытий, даже если это было связано с риском оказаться в эпицентре песчаной бури...

Древняя подвеска капсулы, сопротивляясь натиску кориолисовой бури, гудела, как растревоженное осиное гнездо. Метеорологический кораблик, маленький стальной баллон, носился по воздуху, вращаемый бешеными потоками вихря. Корпус капсулы беспощадно хлестали бичи пыльных торнадо.

— Это напоминает мне рассветные бури, которые я видел на Салусе Секундус, — вслух рассуждал Кинес. — Удивительное зрелище — весьма живописное и страшно опасное. Сильнейший ветер начинает дуть, словно ниоткуда, и может в мгновение ока сокрушить тебя. Беда, если такая буря застигнет в открытом поле.

— Я не хотел бы оказаться в пустыне и при песчаной буре, — отозвался Лиет.

От сильнейшего порыва ветра один борт прогнулся внутрь и треснул. В образовавшуюся брешь с тонким завыванием стал прорываться воздух. Лиет бросился к треснувшей переборке с баллоном, наполненным пенным герметиком. Кинес-младший держал его под рукой, будучи уверенным, что утлая посуда не выдержит напора стихии.

— Мы в руках Божьих, буря может уничтожить нас в любой момент, — сказал он.

— То же самое сказала бы сейчас твоя мать, — сказал планетолог, не отрывая взгляда от данных, которые непрерывно появлялись на экране старинного монитора регистрирующей аппаратуры. — Смотри-ка, порывы ветра достигают скорости восьмисот километров в час!

В его голосе не было страха, только возбуждение.

— Какой чудовищный шторм!

Лиет посмотрел на окаменевший герметик, которым он закрыл дефект корпуса станции. Воющий звук утечки воздуха стих, доносился только приглушенный рев урагана.

— Окажись мы снаружи, такой ветер сорвал бы мясо с наших костей, — задумчиво произнес Лиет.

Кинес-старший поджал губы.

— Скорее всего это так, но тебе следовало бы научиться выражать свои мысли более объективно и научно. Фразу «сорвать мясо с костей» не употребишь в докладе императору.

Вой свирепого ветра, скрежет песка и рев бури нарастали угрожающим крещендо; внезапно капсулу сильно сдавило, и наступила мертвая, страшная тишина. Лиет моргнул и судорожно слотнул, стараясь смочить пересохшее горло и вновь обрести слух. Напряженная тишина ударами молота отдавалась под сводами черепа. Сквозь трещавший и скрежетавший корпус капсулы, словно тихий шепот ночного кошмара, доносился шелест кориолисова ветра.

— Мы в оке тайфуна, — сказал Пардот, отходя от панели аппарата. — В таком убежище это не подарок, мы в очень ненадежном сиегче.

Вокруг капсулы сверкали голубоватые искры статического электричества, которое пыль выбивала из электромагнитных полей.

— Я бы тоже предпочел оказаться сейчас в сиегче, — признался Лиет.

Метеорологическая капсула медленно дрейфовала в оке тайфуна, пройдя вихри фронта. Запертые в тесноте утлого суденышка, двое людей на его борту могли бы поговорить как отец с сыном.

Но им не выпало такой возможности...

Десять минут спустя на капсулу обрушился задний фронт песчаной бури, станцию снова начало сотрясать исполинскими, невероятной силы ударами пыльного ветра. Лиет пошатнулся, но удержался на ногах, Пардот тоже ухитрился сохранить равновесие. Корпус капсулы вибрировал и трещал.

Кинес посмотрел на пол, на панель управления, потом перевел взгляд на сына.

— Не вполне понимаю, что нам теперь делать, — сказал он. — Подвеска отказывает.

В этот момент капсула начала стремительно падать вниз, словно перетерлась и без того ненадежная страховочная веревка.

Лиет вцепился в поручень, стараясь сохранить вертикальное положение в зловещей невесомости, возникшей в раскачивавшейся станции, несшейся к земле, покрытой пыльным туманом. Тем временем планетолог вернулся к своим наблюдениям, не обращая особого внимания на происходящее.

Поврежденная подвеска вдруг чихнула и снова приподняла капсулу, это чудо случилось перед самым падением и смягчило удар. Искореженная капсула зарылась в песок, а буря Кориолиса ревела над ней, словно комбайн для сбора пряности, загоняющий кенгуровую крысу в норку. С неба хлынул поток освобожденной из тисков бури пыли.

Отделавшиеся синяками и шишками Пардот и Лиет поднялись на ноги и посмотрели друг на друга, дрожа от плещущего в их крови адреналина. Буря пронеслась, оставив позади капсулу...

Выставив наружу песчаный перископ и впустив в капсулу поток свежего воздуха, Лиет открыл тяжелый люк, и в кабину буквально рухнул поток песка. Пользуясь статическим пенным закрепителем, Кинес-младший укрепил стены песка и, используя лопатку из аварийного набора и собственные руки, принялся откапываться.

Пардот, полностью доверяя способностям своего сына в искусстве выживания в пустыне, углубился в данные приборов, сверяя с ними свои прежние записи.

Моргая, как новорожденный, только что появившийся на свет из материнского чрева, Лиет выбрался на поверхность и оглядел исхлестанный бурей Кориолиса ландшафт. Пустыня преобразилась: дюны сдвинулись с места, как переселяющиеся стада исполинских животных; следы, палатки и даже маленькие деревушки исчезли с лица земли. Весь бассейн выглядел свежим, чистым и обновленным.

Покрытый белой пылью Лиет выбрался на более устойчивый песок. В центре площадки виднелось углубление в песке, под которым была погребена капсула. Во время удара станция угодила в кратер, который моментом позже был засыпан падавшим с неба песком.

Руководствуясь фрименскими инстинктами и врожденным чувством направления, Лиет мог почти безошибочно определить свое местоположение в пустыне. Сейчас они находились недалеко от Южного Двойного Вала. Лиет узнал его по форме скал, по грядам утесов, по пикам и руслам давно высохших источников. Если бы вихрь протащил капсулу еще с километр, то она врезалась бы в скалу... это был бы бесславный конец великого планетолога, которого фримены почитали *уммой*, своим пророком.

Лиет склонился над вырытым им лазом и позвал отца.

— Папа, мне кажется, что поблизости есть сиетч. Если мы пойдем туда, то фримены помогут нам откопать капсулу.

— Хорошая мысль, — донесся снизу приглушенный голос Пардота. — Пойди найди его, а я пока поработаю. Мне пришла в голову одна идея.

Вздыхнув, мальчик побрел к отрогам видневшейся невдалеке охряной скалы. Походка молодого человека выглядела странно из-за своей неритмичности. Он шел так намеренно, чтобы не привлечь гигантского песчаного червя: шагнул, подтянул вторую ногу, волоча ее по песку, сделал паузу... шагнул, подтянул вторую ногу, сделал паузу...

Товарищи Лиета по сиетчу Красной Стены, особенно названный брат Варрик, завидовали ему, потому что он так много времени проводит с планетологом. Умма Кинес начертал людям пустыни путь в рай, и они поверили пророку, его мечте о пробуждении Дюны — и последовали за ним.

Втайне от Харконненов, владык Дюны, которые были заинтересованы только в добыче пряности и рассматривали народ только как источник рабочей силы, Пардот Кинес руководил скрытыми от посторонних глаз армиями самоотверженных, преданных людей, которые высаживали траву, чтобы задержать на поверхности влагу; эти фримены сажали кактусы и жесткий кустарник в ущельях и каньонах, где по утрам выпадала скудная роса. В южных полярных регионах устраивались пальмовые сады, которые принялись и теперь начали постепенно разрастаться. В образцовом саду в Гипсовом Бассейне уже росли трава и карликовые фруктовые деревья.

Но хотя планетолог мог разрабатывать грандиозные, меняющие мир планы, Лиет не очень доверял здравому смыслу отца и не хотел надолго оставлять его одного.

Молодой человек шел вдоль гряды до тех пор, пока не увидел едва заметный знак на скале, ориентир, который не заметит ни один чужак. Беспорядочное нагромождение опаленных знойным солнцем камней обещало еду и надежное убежище — таков закон фрименского гостеприимства — *аль'амия*.

С помощью ловких и сильных фрименов — жителей сиетча — они смогут откопать и извлечь капсулу, спрятать ее в надежное место, сохранить и отремонтировать. Причем сделать все это можно в течение какого-то часа, ликвидировав потом все следы. На месте падения останется обычный, не привлекающий внимания пустынный ландшафт, хранящий вечную тишину.

Оглянувшись назад, Лиет ощутил внезапную тревогу. Искалеченная бурей капсула, дрожа и вибрируя всем корпусом, медленно вылезала из песка. На поверхности была уже одна треть обтекаемого фюзеляжа. Машина дергалась и рвалась, как зверь в трясине болота на планете Бела Тегез. Мощности двигателей хватало лишь на то, чтобы продвигаться с каждым толчком на считанные сантиметры.

Лиет, как парализованный, застыл на месте, когда осознал, что делает его отец. *Подвески работают в открытой пустыне!*

Спотыкаясь и едва не падая, мальчик бросился назад, вздымая на бегу тучи пыли и песка.

— Отец, остановись! Выключи двигатель!

Он кричал так громко, что в горле появилась сильная боль. Ужас проник в самое существо Лиета. Он вгляделся в расстилавшуюся пустыню, покрытую золотистыми гребнями дюн, присмотрелся к дьявольской впадине Съелаго. Не появилась ли там волна, указывающая на движение в глубине...

— Отец, вылезай! — Лиет резко остановился перед открытым люком капсулы, которая, ритмично содрогаясь, продолжала медленно выползать на поверхность. Поля подвески звенели, как туго натянутые струны. Лиет прыгнул внутрь и застыл на месте, ошеломленно глядя на Пардота.

Планетолог победно улыбнулся сыну.

— Здесь, оказывается, есть какая-то автоматическая система, сам не знаю, как я в нее попал, но через час эта посуда сама выберется на поверхность. — Он снова повернулся к панели управления. — Зато у меня было время сбросить все данные в одно хранилище...

Лиет схватил отца за плечо и рывком заставил его встать на ноги. Другой рукой сын ударил по рубильнику и выключил подвески. Возмущенный и растерянный Пардот хотел было протестовать, но сын не дал ему раскрыть рта и потащил к люку.

— Выходим, сейчас же! Беги к скалам что есть духу.

— Но...

Ноздри Лиета раздувались.

— Подвески работают по принципу полей Хольцмана, действуя, как щиты. Ты знаешь, что происходит, когда человек в открытой пустыне активирует свое индивидуальное защитное поле?

— Оно начинает работать как подвеска? — Внезапно глаза Кинеса-старшего осветились запоздалым пониманием. — Ах да, в этом случае является червь.

— Червь является *всегда*. А теперь беги!

Старший Кинес неуклюже перевалился через борт люка и спрыгнул на песок. Выпрямившись, он осмотрелся и сориентировался в слепящем свете беспощадного солнца. Увидев в километре от капсулы гряду скал, на которую указал ему Лиет, он, загребая ногами песок и исполняя на ходу замысловатый танец, бросился в нужном направлении. Юный фримен тоже выпрыгнул из капсулы и присоединился к отцу. Вместе они устремились к спасительным скалам.

Прошло совсем немного времени, когда они услышали позади рокочущее-шелестящий звук. Оглянувшись через плечо, Лиет увлек отца на гребень дюны.

— Быстрее! Я не знаю, сколько времени осталось в нашем распоряжении, — сказал он.

Они ускорили шаг. Пардот споткнулся, но удержался на ногах.

Рябь на поверхности песка стремительно, принимая форму острия, приближалась к капсуле, приближалась *к ним*. Дюны вздрагивали, перекачивались и оседали на пути этой зловещей стрелы, появлявшейся над исполинским туннелем, который рыл червь в своем подземном движении.

— Беги быстрее, ради спасения твоей души!

Они рванули к гряде скал что было мочи, пересекли гребень дюны, соскользнули вниз, снова поднялись. Песок мягко осыпался под их ногами. Лиет воспрянул духом, когда увидел, что до спасительной скалы осталось не более ста метров.

Жуткое шипение и скрежет стали громче — песчаный червь набирал скорость. Земля начала содрогаться под ногами беглецов.

Кинес наконец достиг первых камней и, тяжело, со свистом дыша, вцепился в них, словно якорь в морское дно. Лиет увлек его дальше, на склон, где чудовище не смогло бы их атаковать.

Несколько мгновений спустя, сидя на уступе скалы и молча втягивая ноздрями раскаленный воздух, Пардот Кинес и его сын смотрели, как вокруг полупогребенной метеорологической капсулы начинает стремительно образовываться водоворот песка. По мере увеличения скорости вращения песок терял вязкость, всасываясь в исполинскую воронку. Капсула вздрогнула и погрузилась в глубину.

Дно воронки поднялось, оказавшись гигантской пастью. Чудовище проглотило судно и тонны песка, проскользнувшего в

глотку червя, просеиваясь сквозь сияющие, как хрусталь, зубы. Червь снова погрузился в горячий песок, и Лиет смотрел, как по поверхности, на этот раз медленнее, снова пошла рябь. Червь уходил в сторону Бассейна...

Наступила звенящая, пульсирующая тишина. Пардот не выглядел обрадованным спасению от так близко прошедшей смерти. Нет, планетолог выглядел подавленным и расстроенным.

— Мы потеряли все данные. — Пардот едва удержал глубокий вздох. — Их можно было использовать для лучшего понимания механизмов возникновения песчаных бурь.

Лиет сунул руку в нагрудный карман защитного костюма и вытащил оттуда старинное хранилище данных, которое он взял с панели управления.

— Даже спасая наши жизни, я помнил о науке.

Кинес-старший просиял от гордости за сына.

Они встали и, освещаемые лучами знойного солнца, направились по извилистой тропинке к манившему прохладой и надежностью сиегчу.

Смотри, о человек. Ты можешь сотворить жизнь. Ты можешь истребить жизнь. Но нет у тебя выбора — ты должен испытать жизнь. И в этом твоя величайшая сила, но в этом же твоя величайшая слабость.

Оранжевая Католическая Библия,
Книга Кимлы Септимы, 5:3

На пропитанной нефтью планете Гьеди Первой подошел к концу нечеловечески длинный трудовой день. Построившись в колонны, рабочие команды покинули поля. Покрытые потом и пылью невольники, освещаемые заходящим красным солнцем, направились домой, согнанные на дорогу с огороженных канавами участков земли.

Один из рабочих, Гурни Халлек, чьи свалывшиеся от пота и грязи светлые волосы сбились в немислимый колтун, ритмично отбивал ладонями такт. Только этот ритм придавал ему сил идти, жить, сопротивляться угнетению властителей планеты Харконненов, соглядатаи которых не могли сейчас подслушать, что творится в рабочей колонне. Халлек пел песню работников, наполненную маловразумительной лирикой, изо всех сил стараясь воодушевить товарищей, заставить их присоединиться к пению или хотя бы мычать ритмичную мелодию.

Весь день мы пашем на Харконненов наших,
Час за часом в земле надо рыться, а нам негде помыться,
Работай, работай, работай, пока не подохнешь...

Но люди в колонне хранили угрюмое молчание. Они слишком сильно устали за одиннадцать часов работы на каменистом поле, чтобы обращать внимание на самозваного трубадура. Потеряв надежду расшевелить товарищей, Гурни наконец сдался, сумев, правда, сохранить на лице кривую усмешку.